

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

А ПОНИМАЕТ ЛИ РЕЦИПИЕНТ ВОСПРИНИМАЕМЫЙ ТЕКСТ?

На примере макротекстового анализа гибридного, вторичного, квазипародийного, квазидialogического текста, весьма богатого на интертекстуальные связи разной этиологии, показывается значимость общности социокогнитивного опыта носителей культуры. Соответствующие рассуждения строятся на последовательном разграничении внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связей, присутствующих в текстовом пространстве в разном соотношении и зависящих как от типа текста и характера решаемой коммуникативной и когнитивной задачи, так и от особенностей личностной идентичности продуцента и реципиента, а также от параметров коммуникативной ситуации. Основанием для предпринимаемого разграничения служит также соотношение сведений, объективируемых в текстовом пространстве средствами культурных кодов и активируемых и / или соактивируемых, но не объективируемых теми или иными механизмами вербализации. Обращается внимание на необходимость свободного владения со стороны носителя языка и культуры средствами и способами реализации разнообразных коммуникативных, когнитивных и номинативных стратегий. Раскрывается потребность носителей языка и культуры в умении оперировать соответствующими стратегиями и средствами их реализации в зависимости от характера коммуникативной и когнитивной задачи, а также от особенностей актуальной для интерактантов коммуникативной ситуации. Показывается подчиненность лексико-семантических, словообразовательных, морфологических, синтаксических, формально-структурных механизмов вербализации текстограмматическим механизмам. Акцентируется соотношение объективируемых с помощью средств культурных кодов сведений о внеязыковой действительности, с одной стороны, и сведений, не объективируемых в тексте, но активируемых и соактивируемых при кодировании и декодировании комплекса воспринимаемых через текст и в тексте, с другой. Это служит основой как для осмысления степени понимания воспринимаемых реципиентом сведений, так и для интерпретации реципиентом текста послания продуцента. Предпринимается попытка исчислить признаки неопределенности, потенциально способные затруднить процессы кодирования и декодирования

ния воспринимаемых и интерпретируемых сведений. Прослеживается связь между выбором средств и способов реализации продуцентом своих намерений с помощью средств культурных кодов, вербального кода и умением носителей языка и культуры снимать неопределенность как при порождении, так и при рецепции текста.

Ключевые слова: кодирование; декодирование; ментальные процессы; понимание текста; неопределенность; уплотнение информационного потока

1. Постановка проблемы, актуальность, цель исследования

Наблюдения над текстосемантической, текстосинтаксической и функциональной организацией продуктов речемыслительной деятельности с помощью разнообразных средств разных культурных кодов позволяет выявить ряд особенностей, которые обнаруживают некоторую общность. Предельно обобщая и несколько примитивизируя результаты соответствующих наблюдений, правомерно обратить внимание в том числе и на такие признаки как уплотнение внутритекстовых связей¹ и разного рода интертекстуальные отсылки (аллюзии, реминисценции, пародии, прецедентные феномены, цитаты, квазичитаты, аллегории, концептуальные метафоры и другие способы активизации межтекстовых и интертекстуальных связей) к некогда порожденным в разных коммуникативных средах текстам² разного типа; см. подробнее о некото-

¹ См. описание упомянутого феномена и детальную аргументацию соответствующей интерпретации в (Гришаева 2020; Гришаева 2021).

² О специфике межтекстовых и интертекстуальных связей рассуждают Ф. Берндт и Д. Тонгер-Эрк, акцентируя особо отношение одного текста к действительности и к другому тексту (текстам), когда порождается (новое) значение: «Im **Textbezug** entsteht nämlich eine Bedeutung, die neben den **Wirklichkeitsbezug** tritt bzw. über diesen hinaus geht. Auf dem Feld der Intertextualitätstheorie wird man es daher sowohl mit der Beziehung zwischen einem Text A und einem oder mehreren anderen Texten B, C, D, ... zu tun bekommen als auch mit der Beziehung zwischen dem Produzenten und dem Rezipienten dieser Text-Text-Beziehungen. Auf dem Prüfstand der Intertextualitätstheorien stehen also stets, allerdings ganz verschieden gewichtet, die drei Eckpfeiler der Literaturwissenschaft: **Text**, **Autor** und **Leser**» (BERNDT & TONGER-ERK 2013: 7–8).

рых подобных способах в (БЛИНОВА 2024; БОЛЬШАКОВА 2024; КОСТРОВА 2021; BERNDT & TONGER-ERK 2013; GRISCHAEWA 2022).

Из сказанного вытекают, по крайней мере, два следствия. Во-первых, частоту обращения носителей языка и культуры к подобным способам организации текстовой ткани нельзя объяснить банальной «модой», внезапно по той или иной причине «сразившей» носителей языка. Дело в том, что описанные приемы организации текстовой ткани встречаются в разных типах текста, порожденных по различным поводам на самые разные темы разными категориями продуцентов при решении разнообразных коммуникативных и когнитивных задач (см. примеры 1 и 2).

Пример 1. Плакат Клауса Штека (СТАЕСК 1992)

Пример 2. Один из венских сувениров, отсылающих к реальному событию

Поэтому интерпретацией, адекватной охарактеризованному положению дел, следует, видимо, признать подход, раскрывающий *стратегический характер* соответствующих предпочтений продуцентов, т. е. признать способы, приемы и средства активизации³ сведений о мире и уплотнения внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связей стратегическим

³ Под активацией понимается «возбуждение определенных участков мозга в актах мыслительной и речевой деятельности под влиянием тех или иных поступающих сигналов или стимулов, приведение в готовность для дальнейшего использования ментальных репрезентаций концептуальной системы <...> выведение в осознаваемую часть текущего сознания образом, определенных структур знания и / или репрезентаций» (КУБРИКОВА 1997: 11).

средством реализации той или иной коммуникативной стратегии, способствующей, — по крайней мере, с точки зрения продуцента, — оптимизации взаимодействия носителей культуры в некоторых условиях.

Об этом убедительно свидетельствуют приведенные выше примеры 1 и 2, наглядно показывающие, что для понимания содержания воспринимаемых текстов явно недостаточно умений декодировать использование средств культурных кодов — вербального и невербальных, как эти средства присутствуют как таковые в текстовом пространстве. Напротив, для осмысления послания продуцента, которое, очевидно, не сводится к арифметической сумме значений и функций каждого из задействованных механизмов объективации тех или иных сведений, требуется адекватно декодировать соотношение сведений, объективируемых средствами культурных кодов, с одной стороны, и сведений, *не объективируемых*, но активируемых и соактивируемых при восприятии текста в целом, с другой. К первым относятся, очевидно, знания о различной культурной и государственной символике, цветовой гамме, форме предметов, функциональной сфере артефактов, ситуации употребления соответствующих фраз, силуэте животного и др. Вторые предполагают владение знанием, кто, когда, где, для чего и по какому поводу сказал цитируемую в тексте фразу; знание о степени уместности / неуместности цитируемого высказывания; знание исторического контекста; владение нормами ожидания относительно действий субъекта с определенными характеристиками и пр. Кроме того, и продуцент, и реципиент должны относительно свободно владеть вариативными средствами и способами реализации коммуникативных стратегий, а также знанием об их степени конвенциональности и / или окказиональности, традиционности и / или креативности, чтобы адекватно оценить выбор продуцента, порождающего в некоторых условиях соответствующий текст.

Во-вторых, порожденные таким образом тексты оказываются, очевидно, не столь легкими при декодировании реципиентом содержания текста в его содержательной, формальной и функциональной целостности и тем более при осмыслении по-

слания продуцента. Причина заключается в том, что количественные и качественные параметры картины мира у продуцента и реципиента по определению *не могут* быть тождественными, даже если принимать во внимание общность их деятельностно-практического и социокогнитивного опыта, а также общность некоторых сегментов в ментальной структуре их коллективной идентичности. Тем самым резонно предполагать только то, что совокупности гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире, как картину мира характеризует Е. С. Кубрякова (1988), у разных носителей одного языка и одной культуры представляют собой лишь частично пересекающиеся множества.

В обозначенном контексте резонно напомнить замечание Кубряковой о взаимосвязях биолого-физиологической, когнитивной, социокультурной, психосоциальной природы в деятельности человека:

мир «как он есть» пропущен все же через голову человека и отражен там поэтому в том виде, в каком он и его восприятие ограничено, во-первых, биологически (тем, что свойственно человеку как определенному живому организму), во-вторых, социально (в широком понимании этого условия, т. е. включения в него всего того, что делает человека детищем своего времени, своей эпохи, цивилизации, своего общества и т. п.) и, в-третьих, прагматически, что предполагает оценку воспринятого по его значимости для совершаемой человеком деятельности и его общего благополучия (выживания) (КУБРЯКОВА 2004: 98).

Другими словами, воспринимаемый текст для реципиента остается в той или иной мере *неопределенным*, т. е. «когда человек не вполне убежден, когда он не уверен» (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 2001/1: 507),⁴ если сложно организованные совокупности гетерогенного, гетеросубстратного, гетерохронного знания продуцента и реципиента соответствующего текста как носителей уникальной личностной идентичности и общей для

⁴ Ср. еще одно определение неопределенности: «В теории информации — степень, в которой не накладывается никаких ограничений на возможные выборы, имеющиеся в распоряжении, или на возможные последствия ситуации» (ibid.).

них в силу первичной социализации коллективной идентичности не обнаруживают необходимой и достаточной в количественном и качественном отношении зон пересечения / наложения соответствующих множеств разнородных сведений (т. е. картин мира).

Сказанное становится, таким образом, уже фактором, значимым при анализе рецепции того или иного текста, особенно если иметь в виду, что психологи отмечают *разную* переносимость неопределенности у разных субъектов.

Степень неопределенности, недостатка ясности в ситуации или стимул, которую способен выдержать субъект. До некоторой степени никто не любит постоянно находиться в неопределенной ситуации или подвергаться воздействию неопределенного стимула.⁵ Однако этот термин обычно используется так, как будто это основное измерение личности и в первую очередь интерес представляет полюс непереносимости: те люди, у которых возникают трудности в перенесении даже слегка неопределенных обстоятельств. Такие индивиды склонны реагировать беспокойством и замыканием в себе на неясные ситуации... (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 2001/1: 507).

Насколько разные в количественном и качественном отношении объемы сведений о мире объективируют номинативные средства у субъектов разных категорий в разное время в разном пространстве,⁶ можно убедиться на следующих примерах, учитывая при анализе и то, что тексты — намного более сложные

⁵Ср. решение принимать в качестве одного из классификационных критериев при типологизации культур стремление избежать неопределенность, например, в (HOFSTEDE 2006).

⁶ Ср. следующие замечания относительно неопределенности: «Исчисление неопределенных наборов — относительно недавнее новшество в математике, имеющей дело с областями и понятиями, границы которых четко не определены. Многое в человеческом познании, кажется, оперирует с неопределенными понятиями (например, «горячий», «молодой», «приблизительно равный»), поэтому ученые предсказывают значительные возможности применения этого нового исчисления в психологии мышления, формирования понятий, рассуждения, принятия решений и т. д.» (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 2001/1: 507) (курсив мой — А. Г.).

образования, чем номинации для отдельных элементов внеязыковой реальности, как это имеет место в примерах ниже. Выражая ту же мысль иначе, правомерно сказать, что речь, собственно, идет о стремлении уяснить первопричину отсутствия либо недостаточности взаимопонимания между коммуникантами несмотря на общность социокогнитивного и акционального опыта в одном и том же культурном пространстве.

Другими словами, речь идет об осмыслении того, чем и как эффект от функционирования и воздействия на реципиента отдельных лексико-семантических, словообразовательных и частично синтаксических механизмов вербализации сведений о мире отличается от воздействия на того же реципиента текста как содержательной, формальной и функциональной целостности — тем более, что те же номинативные средства являются, по сути, элементами той или иной текстовой ткани. Выражаясь иначе, эти средства представляют собой ничто иное как средства реализации некоторой номинативной стратегии, находящейся в довольно прочной и устойчивой корреляции как с когнитивными, так и с коммуникативными стратегиями (см. систему развернутой аргументации соответствующих позиций и детальный комментарий с анализом различных примеров в [Гришаева 2020: 204–256, 247–251]). Нет сомнения в том, насколько разными в количественном и качественном отношении являются сведения о том или ином элементе внеязыковой действительности, активируемые и со-активируемые приводимыми номинациями для отдельных элементов окружающего носителей языка мира естественного и мира социального:

- *Nacht, Frühling, ein sonniger Apriltag* (в Германии или Греции) — *ночь, день* (за Полярным кругом) (отдельные фазы временного континуума);
- *Frau Studentin* (в средние века — *Geliebte eines Studenten*) vs *Studentin* vs *Studierende* (эпоха феминитивов);
- *Kind* — *Kindheit*, (*Er benimmt sich*) *kindisch* (специфическая для человека манера поведения);
- *Kindergarten* (в эпоху ГДР) — *Kita* (= *Kindertagesstätte*, время после объединения Германии);
- *Team* (вместо *Kollektiv* в ГДР — после объединения Германии);

- *Arbeiter-und-Bauern-Staat* (в ГДР прежде всего и до объединения Германии в иных политических пространствах) — *Ex-DDR vs fünf neue Bundesländer* (тот же политический субъект в разные периоды для одной страны);
- *Zwetschge* — *Pflaume*, *Paradeiser* — *Tomate* (одни и те же объекты в разных пространствах в германоязычном мире);
- *Hutblümchen* — *стафушка-божий одуванчик* (одна и та же категория носителей культуры в разных культурных пространствах) и др.

Таким образом, очевидно, что вряд ли можно быть уверенным в адекватности понимания реципиентом текста без погружения продуцента и реципиента в *те же самые* (как то предполагает продуцент, порождая тот или иной текст) пространственно-временные, деятельностьные и дискурсивные континуумы, объективируемые (кодируемые и декодируемые носителями языка и культуры) и со-активируемые в коммуникации средствами культурных кодов.

Поэтому *цель* исследования можно интерпретировать как попытку выяснить, насколько существенным препятствием становятся при рецепции того или иного текста количественные и качественные различия в конфигурации гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о разных типах действительности в картине мире продуцента и реципиента как носителей одной языковой культуры.

Очевидно, что соответствующая попытка не может считаться исчерпывающим ответом на поставленный вопрос. Это, по сути, только «первое приближение к снаряду», только тематизация некоторой проблемы, решение которой, однако, может способствовать осмыслению того, на чем зиждется понимание и взаимопонимание в коммуникации, как «работают» такие социокогнитивные ориентиры как нормы ожидания и / или знания, разделяемые всеми носителями культуры, которые существенным образом направляют процессы порождения и рецепции текста любого типа.⁷

⁷ Интересно в данном контексте вспомнить описание отдельных типов дискурсивных интерпретаций, предложенное М. И. Киосе, а также ее заключение относительно степени успешности интерпретации: «Только такой подход, учитывающий особенности конструиро-

Ср. трактовку понимания в философском словаре:

вызванное внешними или внутренними воздействиями специфическое *состояние* сознания, фиксируемое субъектом как *уверенность* в адекватности *воссозданных* представлений и содержания воздействия... (ФЭС 2002: 353–354) (курсив мой — А. Г.).

Ср. близкую трактовку в: [ДЕМЬЯНКОВ 1997]). Любопытно сравнить научное определение понятия с обыденным представлением, согласно которому понимание, это «способность осмысливать, постигать содержание, смысл, значение чего-н.» (ОЖЕГОВ & ШВЕДОВА 1999: 561).

2. Материал исследования и его характеристики

Актуальность проблемы, а также ее обще- и частнотеоретическую значимость предлагается показать на примере 3, который как мало какие тексты является адекватным для решения обозначенных выше исследовательских задач. В связи с этим, пожалуй, целесообразно прокомментировать несколько обстоятельств.

Автор текста — Лорио (Loriot), творчество которого с полным правом можно назвать общеизвестным в немецкоязычном культурном пространстве. Культурологи характеризуют изобразительное и словесное легко узнаваемое творчество Лорио как один из наиболее ярких образцов карикатуры, затрагивающих в юмористической и остроумной форме вечные для осмысления в разнообразных жанрах карикатуры и в разных культурах темы, например, конфликты между идеалом и реальностью в любви, страхи людей, их высокомерие, тщеславие, желания и т. п. (BIERWIRTH 2000: 246).

Это гибридный текст, потому что при его порождении используются принципы организации нескольких типов текста, прежде всего нарративных, экспликативных и аксиологических, а также людических и информативных. Здесь со-встречаются принципы организации аннотации и дайджеста, либретто и энциклопедической статьи, пересказа и исторического анекдота.

вания ситуации или события в аспекте состава его участников, их отношений, пространственно-временного аспекта, прагматической задачи, может претендовать на анализ интерпретации, более или менее успешной» (КИОСЕ 2021: 39).

Это вторичный текст, так как он содержательно опирается не только на всемирно известного *Фауста* Гете (прецедентный для немецкой культуры текст, первичный для оперы), но и на оперу Ш. Гуно.

Это квази-пародийный текст, поскольку в нем не пародируется манера письма авторов первичного текста, однако содержание излагается с помощью анахроничных для XIX в. (когда в основном происходит действие первичного текста), но принятых в XX в. способов вербализации сведений о человеке с определенными характеристиками и о его действиях, используются современные для XX в. стратегии именования общечеловеческий понятий и представлений, имеет место апелляция к современным интерпретациям ценностных ориентаций. При этом апелляция к ценностным ориентациям двойственна: к ценностям, принятым в высокой культуре, и к содержанию стереотипов сознания, бытующих в обыденной среде.

Это также и квази-диалогический текст, поскольку текст явно (*das können Sie mir glauben*) и неявно адресуется носителю языка с вполне определенными аксиологическими, эстетическими и моральными доминантами, хотя и выдержан формально практически полностью в монологической манере повествования.

Это текст, который весьма богат интертекстуальными связями разной этиологии: на основании отсылки к ценностным ориентациям, доминирующим в конкретном культурном пространстве, к бытовым представлениям о типах людей, к образцам высокой культуры, к представлениям о способах поощрения выдающихся достижений в культуре, к способам организации досуга у носителей культуры (см. подчеркнутые в примере 3 пассажи).

Подобный выбор номинативных средств и способов организации текстовой ткани оказывается, с точки зрения носителей языка и культуры весьма успешным. В качестве поддержки высказанного предположения любопытно и резонно ознакомиться с мнениями о книге Лорио, приводимыми на оборотной стороне обложки к издаваемой книге:

Treffender, vergnüglicher und ironischer kann man über den Ausnahmestand namens Oper nicht reden (Georg Knapp. Süddeutsche Zeitung, München).

Da manchem Opernfreund gelegentlich der Humor bei dieser und jener Neuinszenierung vergeht, wird *Loriots Kleiner Opernführer* dankbar zur Gegensteuerung angenommen. Grandios! (Badische Neueste Nachrichten, Karlsruhe) (LORIOT 2007).

Лорио искусно сочетает при порождении текста разные номинативные стратегии при обозначении одного и того же элемента культурной действительности: конвенциональные и окказиональные, первичные и вторичные, традиционные и креативные. Вследствие этого Фауст получает в восприятии реципиента разнообразные характеристики, причем соответствующие характеристики оказываются не только привычными для носителей культуры при обсуждении упомянутого персонажа, но и весьма непривычными, совсем неожиданными, однако такими, в которых называемому персонажу по здравому размышлению трудно отказать — просто так о соответствующих чертах характера Фауста не принято говорить при обсуждении соответствующих поступков в «приличном обществе», тем более поступков уважаемых людей и / или особо почитаемых в высокой культуре литературных персонажей. Ср.: *gealtert, geliftet, an der Seite eines Teenagers, das alte erotische Jagdfieber (empfindend), auf Tabletten angewiesen, in den Ruhestand (eingetreten), auf den Pakt mit dem Teufel angewiesen, an der Seite eines Teenagers seine Seele dem Teufel verkauft*. Поэтому позитивные и негативные сведения о Фаусте, представляя собой когнитивную фигуру, перспективируются и осмысляются на разном когнитивном фоне. Результирующий эффект восприятия таким образом построенного текста тем самым кардинально контрастирует с оценочными суждениями, привычными для знатоков творчества Гете и Гуно.

Резонно обратить внимание на то, что для реципиента Фауст выступает одновременно и как объект перцепции, и как объект *социальной* перцепции.⁸ Поэтому объект восприятия попере-

⁸ Социальная перцепция имеет существенные различия от перцепции, несмотря на генетическое родство соответствующих процессов. В подавляющем большинстве случаев объектом социальной перцепции являются субъекты, т. е. люди, сведения о которых подводятся под ментальные категории, непосредственно и опосредованно погруженные в

менно подводится под разные ментальные категории на основании разных признаков, которые по-разному конфигурируются. С точки зрения носителей языка и культуры, соответствующие признаки являются не только первичными для идентификации объекта восприятия в конкретной языковой культуре, но и вторичными, а также несалиентными в подавляющем большинстве случаев.

Вместе с тем следует заметить, что таким образом Лорио удастся со-активировать у реципиента значительный пласт разнородных сведений о Гете, его персонаже Фаусте, о значимости Фауста для Германии и для европейской культуры вообще как культурного героя, о статусе оперы как высоком и весьма престижном, но малопонятном для большинства искусстве, о сюжете трагедии *Фауст* и одноименной оперы и др. Без таких сведений, объективируемых и / или со-активируемых первичными либо вторичными вербальными средствами, текст не мог бы быть осмыслен так, как это, видимо, задумывал автор: как сведения, содержащиеся в людическом тексте, как сведения, необходимые при рекреативной деятельности высокообразованного интеллектуала, ценящего высокую культуру и знающего в ней толк.

Вне соответствующего когнитивного фона когнитивная фигура «die Geschichte des gealterten, wenn auch gelifteten Dr. Faust,

комплекс актуальных аксиологических связей; ср.: *Иван Иванович Иванов — профессор Иванов — академик Иванов — пенсионер Иванов — сосед Иванов — свидетель Иванов — подозреваемый Иванов — преступник Иванов — отец Иванова* и т. д. Даже если биолого-физиологические и психокогнитивные характеристики соответствующего объекта социальной перцепции останутся неизменными, соответствующий объект будет подводиться под разные ментальные категории, и конфигурация сведений о данном объекте будет всякий раз зависеть от значимости того или иного социально релевантного признака при первичной вторичной и / или аксиологической идентификации соответствующего объекта.

Аналогичным образом дело обстоит и при социальной перцепции артефактов; ср.: *стол — престижный стол — дизайнерский стол — антикварный стол — стол эпохи рококо — георгианский стол — стол из Версаля — стол Людовика XIII — стол, за которым королева Антуанетта писала свои последние строки* и пр.

der für eine zweite Jugend an der Seite eines Teenagers seine Seele dem Teufel verkauft» не была бы адекватно осмыслена. Ведь процитированная фраза и есть, собственно, содержание оперы, а дальнейшие сверхфразовые единства задают аксиологическую (в широком и узком смысле) рамку, сквозь которую селектируется со-активируемая вербальными средствами информация о трагедии *Фауст*, ее авторе Гете и его роли для немецкой культуры, о значимости этой трагедии, об отношении «обычных» людей к людям типа доктора Фауста с его эскападами («eine zweite Jugend an der Seite eines Teenagers и Ausbruch des alten erotischen Jagdfiebers») в определенный период («Eintritt in den Ruhestand») (см. пример 3).

Кроме того, еще одним объектом оценки в цитируемом тексте становятся личность Гете и его творчество, которые Лорио вписывает в контекст, кардинально отличающийся от конструируемого в научных трудах. Поэтому для реципиента фигура Гете в цитируемом тексте и этим текстом, в сущности, оценивается если не пренебрежительно, то явно непривычно. Однако именно данное обстоятельство, по всей видимости, и заставляет реципиента, знающего классические произведения и хорошо знакомого с оценками вклада Гете в культуру, вспоминать суждения малообразованной публики о всемирно известной трагедии («eine weitschweifige, selten gespielte Bearbeitung (ohne Musik)»), для которых Гете — автор, даже не имеющий никаких наград («bisher keinen Literaturpreis erhalten»), хотя и у всех на слуху («einer der wenigen bekannten Autoren»). Выражаясь иначе, Лорио, организуя таким образом текстовую ткань, по сути, высмеивает суждения необразованной публики, говорит, намекая («durch die Blume sagen»), что именно в приличном обществе неприлично не знать.

Другими словами, Лорио, вне всякого сомнения, эксплицируя и имплицитно свои намерения, сознательно сталкивает в текстовом пространстве два комплекса сведений, напрямую и опосредованно отсылающих реципиента к ценностной картине мира: принятые в культуре ценностные ориентации и оценки достижений высокой культуры, с одной стороны, и содержание стереотипов сознания как образцов для ментальной обработки

воспринимаемого для филистеров, для людей малообразованных, недалеких, с примитивными потребностями, с другой.⁹

Тем самым очевидно, что рецепция процитированного текста чревата непониманием — для определенной категории реципиентов, а именно для тех, кто не имеет сведений в своей картине мира, *необходимых и достаточных* для адекватной рецепции приведенного текста, в котором корректно интерпретируется соотношение сведений, объективируемых языковыми средствами, с одной стороны, и необъективированных, но активизируемых и со-активизируемых в тексте теми же самыми механизмами вербализации, с другой.

Пример 3 (LORIOT 2007: 24).

Charles Gounod

Faust

Diese Oper *vertont* die Geschichte *des gealterten, wenn auch gelifteten* Dr. Faust, der für *eine zweite Jugend* an der Seite eines Teenagers seine Seele dem Teufel verkauft.

Bejahrte Männer, die mit *Eintritt in den Ruhestand* einen erneuten *Ausbruch des alten erotischen Jagdfiebers* erwarten, sind, *das können Sie mir glauben*, auf den *Pakt mit dem Teufel* oder *Tabletten* angewiesen.

Von *Goethe*, einem der *wenigen bekannten Autoren*, die bisher *keinen Literaturpreis erhalten* haben, gibt es die ganze *Affaire* in einer *weitschweifigen, seltener gespielten Bearbeitung ohne Musik*.

Таким образом, сам автор конструирует такой когнитивный фон, на котором, как он прогнозирует, вероятность неопределенности при интерпретации воспринимаемого текста будет снята. Уверенность его базируется на знании, разделяемом¹⁰ все-

⁹ Ср. в романе Генриха Манна *Верноподданный* (*Der Untertan*) эпизод в театре, когда персонажи романа слушают оперу Вагнера, где описывается диаметрально противоположная реакция Дидериха и Густы на происходящее на сцене, на внешность действующих героев оперы и на сценическое действо в целом.

¹⁰ В контексте изучения того, как в коммуникации и / или тексте соотносятся объективируемые и необъективируемые сведения, интерес представляет точка зрения Ю. Райшера, который выделяет декларативные, процедуральные или ассоциативные знания, контролируемые либо неконтролируемые знания, актуальные или общие знания, индивидуальное и коллективное знание, пропозициональное и непропози-

ми носителями языка и культуры, на общности знания в ментальной структуре коллективной идентичности, а также на общности конфигурации соответствующих знаний в этой структуре.

3. Средства и способы снятия неопределенности

Вопрос о средствах и способах снятия неопределенности как параметра, значимого для постижения понимания и взаимопонимания, оказывается отнюдь не праздным любопытством, поскольку в действительности картина мира «локализуется» в *индивидуальном* сознании каждого носителя соответствующей культуры. Однако соответствующие гетерогенные, гетерохронные, гетеросубстратные сведения о мире, будучи зафиксированы разнообразными средствами и способами, входят в ментальные структуры и *коллективной*, и *личностной* идентичности каждого единичного субъекта как носителя языка и сознания. Тем не менее важно осознавать, что знания, разделяемые всеми носителями культуры, *полиинтерпретируемы*, и соответствующие комплексы различаются не только в количественном и качественном отношении, но и также своей *конфигурацией*, причем нередко на всех уровнях иерархии в соответствующих ментальных структурах.

С принципами членения в целом совокупности гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире подавляющее большинство исследователей соглашается, вычленяя при этом три сложно организованных комплекса: знания о мире (тезаурус), языковые и интеракциональные знания.¹¹ Некоторые

циональное знание (REISCHER 2002). С помощью данного категориального аппарата Райшер представляет комплексы знаний, описание которых во многом согласуется с доминирующей точкой зрения относительно членения сведений о мире: интеракциональное знание (предполагающее ментальное знание и знание моторики), контекстуальное знание (дискурсивное и ситуативное знание), рамочные сведения, знание фактов, знание, полученное через ощущения, знание о себе (эпизодическое знание, знание статус-кво), знание о партнере, энциклопедическое знание, экспертное знание, знание о мире (REISCHER 2002: 97–99). Райшер подчеркивает, что информация — это знание в действии (при интерпретации и / или порождении) [REISCHER 2002: 99].

¹¹ По понятным причинам здесь не представляется возможным упомянуть хотя бы часть соответствующих публикаций, в том числе и

исследователи считают необходимым выделить еще и ассоциативные,¹² а также текстограмматические и текстотипологические¹³ знания.

Нельзя не отметить, что соответствующие комплексы разнородных знаний имеют разную природу: это не только декларативные, но и процедуральные знания, которые поликодируемы вербальными и многочисленными невербальными средствами, выбор которых подпадает под влияние многочисленных факторов, внешних и внутренних по отношению к порождаемому и воспринимаемому тексту. Степень семиотической гетерогенности подобного выбора не обнаруживает жесткой и причинной корреляции с характером решаемой интерактантами коммуникативной и когнитивной задачи, а также с видом деятельности в актуальном акте взаимодействия.

Соответствующие средства могут быть первичными и / или вторичными, главное, чтобы они оставались *адекватными* параметрам общения, особенностям субъектов познания и коммуникации, характеру решаемой коммуникативной и когнитивной задачи.

В этом можно убедиться, сравнив первичные и вторичные номинации, конструируемые на основе разных когнитивных процессов и призванные объективировать в людической коммуникации результаты концептуализации и категоризации с помощью разных механизмов вербализации и по разным основаниям. Комментарий ко вторичным номинациям в большинстве случаев дает сам автор в своем тексте (LANGE 2000), вполне осознавая потенциальную неопределенность для реципиента при интерпретации семантики соответствующей номинации и

из-за того, что анализ этой проблемы в данной статье не является предметом исследования.

¹² Основания для выделения соответствующих сведений в отдельный сегмент в картине мира, а также детализацию внутри этого сегмента и примеры с комментарием см. в (REISCHER 2002).

¹³ Ср. решение У. Фикс выделить в специальную группу знаний — наряду с традиционно признаваемыми знаниями о мире, интеракционными знаниями, языковыми знаниями — знания об организации текстов разного типа (Textsortenwissen) (Fix 2008: 115).

содержания текста в целом. Тем самым Б.-Л. Ланге *снимает* полностью либо частично неопределенность при осмыслении содержания для реципиента или же существенно облегчает когнитивную задачу по интерпретации непривычных и / или незнакомых реципиенту номинативных единиц:¹⁴

- *der VEB Horch und Guck* — Staatssicherheit (очевидно, на основании функции);
- *Pornoshop* — Kaufhalle (Kommentar: *nackte Schaufenster und entblößte Regale*) (очевидно, на основании внешнего сходства);
- *das Land mit begrenzten Unmöglichkeiten* (Anspielung auf die in der offiziellen Kommunikation geläufigen Parolen) (очевидное пародирование);
- *Frühgurke* — Person, die besonders schnell befördert wird (очевидно, метафора);
- *die Lackschuhe* — Beamte, *der Wasserkopf* — Leitung im Betrieb (очевидно, метонимия);
- *bohnenlose Gemeinheit* — Kaffee (vgl.: *bodenlos*), *Miß Bildung* — Margot Honecker (vgl. *Mißbildung*) (очевидно, игра слов);
- *sozialistische Wartegemeinschaft* — Schlange (очевидно, квазицитация);
- *Bonbon* — SED-Abzeichen, *der Knitterfreie* — Stahlhelm (очевидно, сравнение);
- *Arbeiter-und-Bauern-Volvo* — Trabant (очевидно, ирония);
- *EDV (Ende der Versorgung)* — Grenze Ostberlins zu Westberlin (очевидно, сарказм) (LANGE 2000).¹⁵

Сделанные наблюдения над некоторыми способами снятия неопределенности позволяют выделить один из наиболее осно-

¹⁴ См., в частности, анализ различных направлений в изучении дискурса и исследование дискурса как «отражение специфической социокультурной деятельности людей» (МАНЕРКО 2024: 330) и систему соответствующих доказательств в (ibid.: 327–336). В результате исследователь может получить доступ к необъективированным в тексте сведениям: «В процессе восстановления... дискурсивных параметров и реструктуризации происходит *восстановление элементов, не наблюдаемых в текстовом пространстве*» (ibid.: 331) (курсив мой — Л. Г.).

¹⁵ См. подробнее анализ соответствующих номинативных стратегий в их корреляции с когнитивными и коммуникативными в (GRISCHAEWA 2022).

вополагающих признаков текстуальности — *целостность* и вместе с тем другие, не менее значимые, более того, интегральные для текста любого типа, характеристики текста — *линейность* и *членимость*. На последние целесообразно обратить внимание прежде всего потому, что они вступают в радикальное противоречие с фундаментальным свойством картины мира — целостностью, с одной стороны, и невозможностью объективации всей целостности в одном акте познания и коммуникации, с другой.

Именно поэтому столь важным становится изучение соотношения объективируемых и необъективируемых в интеракции сведений, а также объективируемых и активируемых и со-активируемых сведений. Как следствие, возникает необходимость проанализировать особенности перспективизации и профилирования активируемых и со-активируемых сведений, чтобы выяснить, какие именно сведения оказываются востребованными при решении интерактантами конкретной коммуникативной и когнитивной задачи. Во-вторых, необходимо понять, насколько закономерными оказываются соответствующие связи между типом решаемой задачи, параметрами ситуации общения, особенностями субъектов познания и коммуникации, природой востребованных признаков у того или иного объекта.

Подобный ракурс исследования необходим и важен, поскольку каждый объект внеязыковой действительности (в широком смысле) обладает самыми разными признаками, которые имеют, однако, разную значимость в конкретном акте познания и коммуникации:

- признаки объектов внешнего, реального, мира:
 - перцептивные признаки (через органы чувств → запах, вкус, тактильные ощущения, звук, внешний вид, форма, объем, вес...);
 - выводное знание на основании наблюдаемого:
- признаки объектов виртуального мира на основании реальных признаков и / или их инференции;
- признаки объектов фикционального мира, осмысляемые по самым разным основаниям;
- структура интеракции (видов деятельности → отсылка к содержанию социальных эталонов);

- сфера бытования объектов;
- функциональный потенциал объектов;
- значимость объекта в процессе конкретного вида деятельности;
- связь прямая и / или опосредованная с ценностной картиной мира;
- пространство, которое заполняется соответствующими объектами,¹⁶ а также иные признаки, не объективируемые при решении некоторой коммуникативной и когнитивной задачи средствами культурных кодов, но знание о которых активируется и со-активируется в процессе осуществления интеракции и / или рецепции текста того или иного типа (см. примеры выше).

Чтобы ответить на вопрос, поставленный в заглавии статьи, необходимо учитывать, что понимание — это, бесспорно, интерпретация. Однако и процессы рецепции и перцепции представляют собой, по сути, также интерпретацию, впрочем, как и выбор перспективы восприятия, определение когнитивного фона и когнитивной фигуры, а также постановка цели, подведение некоторой конфигурации сведений под ментальную категорию и т. д. Для овнешнения результатов интерпретации носители языка и культуры имеют в своем распоряжении комплекс способов и механизмов активизации сведений: вербальных и невербальных, конвенциональных и не-конвенциональных, окказиональных и узуальных, традиционных и креативных, первичных и вторичных. Перечисленные способы не только объективируют соответствующие сведения, но и активируют и со-активируют иные сведения, без которых процессы декодирования и рецепции в принципе не смогут быть успешными.

Поэтому анализ способов и средств снятия неопределенности при лингвистическом ракурсе описания соответствующих

¹⁶ Пространство — это «то, что является общим всем переживаниям, возникающим благодаря органам чувств» (ФЭС 2002: 369); «пространство как таковое никогда не дано нам <...> напротив, оно постоянно *наполняется* множеством более или менее всеобъемлющих систем отношений..., к которым принадлежат различные предметы» (ibid.: 370), «пространство может быть обозначено как совокупность систем отношений» (ibid.).

процессов не может не учитывать вклад всех механизмов вербализации в решение некоторой коммуникативной и когнитивной задачи субъектами как носителями языка и культуры с их индивидуальными и общими в силу культурной идентичности психо-социо-когнитивными особенностями. Соответствующие группы механизмов вербализации с их последующей тонкой дифференциацией по известным лингвистическим основаниям (лексико-семантические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, текстограмматические, формально-структурные) нельзя, однако, не изучать вне контекста их корреляции с комплексом субсистемных, системных и суперсистемных связей применительно к языку как культурному коду.

4. Выводы

Для снятия неопределенности и прогнозирования и / или «профилактики» непонимания и / или иных коммуникативных сбоев при кодировании и декодировании сведений в интеракции особую роль следует отвести текстограмматическому и текстотипологическому знанию. Это означает необходимость владеть принципами текстосемантической, текстосинтаксической, функциональной организации текстов того или иного типа, а также способами варьирования соответствующих знаний применительно к постоянно меняющимся условиям взаимодействия между носителями языка и культуры.

Не менее значимым является владение способами и средствами реализации определенной коммуникативной стратегии, находящейся в довольно устойчивой корреляции с некоторыми типами когнитивных и номинативных стратегий, варьирование средств реализации которых и позволяет носителям языка и культуры успешно решать свои когнитивные и коммуникативные задачи как при порождении, так и при рецепции текста. Это предполагает, следовательно, необходимость исчислить корреляции между когнитивными, номинативными и коммуникативными стратегиями применительно к каждой коммуникативной и когнитивной задаче.

Владение способами снятия неопределенности при решении коммуникативных и когнитивных задач средствами культурных кодов предполагает *дифференцированное* знание о прин-

ципах актуального членения информационного потока. Из этого вытекает необходимость владеть такими стратегиями, благодаря которым можно конденсировать информацию, детализировать салиентную в конкретных условиях информацию, адекватно интерпретировать соотношение объективируемых и не объективируемых в интеракции сведений, адекватно оценивать соотношение «когнитивный фон ⇔ когнитивная фигура», а также определять при порождении текста соотношение объективируемой и инферируемой информации как средство ориентации на потенциального реципиента и адаптации к особенностям коммуникативной ситуации.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Блинова Ю. А. Прецедентный ономастикон и лингвокультурные концепты дискурса новейшей немецкой литературы // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 13—32. [Blinova, Yulia A. (2024) Pretsedentnyy onomastikon i lingvokul'turnyye kontsepty diskursa noveyshey nemetskoj literatury (Precedent Onomasticon and Linguocultural Concepts in Contemporary German Literature). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 13—32. (In Russian)].
- Большакова Т. М. Типология интертекстуальных отношений в немецком школьном нормативном дискурсе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 33—54. [Bolshakova, Tatiana M. (2024) Tipologiya intertekstual'nykh otnosheniy v nemetskom shkol'nom normativnom diskurse (Typology of Intertextual Relations in German School Normative Discourse). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 33—54. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. [Grishayeva, Lyudmila I. (2020) *Var'irovaniye teksta v kommunikatsii* (Text Variation in Communication). Voronezh: Nauka-Unipress. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Актуальные тенденции организации текста и плотность внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связей // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 18. Орел: Горизонт, 2021. С. 11—34. [Grishaeva, Lyudmila I.

- (2021) Aktual'nyye tendentsii organisatsii teksta i plotnost' vnitriteksovykh, mezhtekstovyykh i intertekstual'nykh svyasey (Current Trends in Text Organization and the Density of Intra-text, Intertext and Intertextual Connections). In: Alikayev, Rashid S. (ed.) *Zhanyr i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse*. Vyp. 18. (Genres and Types of Text in Scientific and Media Discourse. Issue 18.). Orel: Gorisont, 11—34. (In Russian)].
- Демьянков В. З. Понимание (understanding, comprehension; Verstehen, Verständigung, compréhension, entendement) // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др. М.: Московский гос. ун-т, 1997. С. 124—126. [Demyankov, Valeriy S. (1997) Ponimaniye (understanding, comprehension; Verstehen, Verständigung, compréhension, entendement). In: Kubryakova, Yelena S. & al. (eds) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* (A Concise Dictionary of Cognitive Terms). Moscow: Moscow State University, 124—126. (In Russian)].
- Киосе М. И. Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент. М.: Р. Валент, 2021. [Kiose, Mariya I. (2021) *Sekrety interpretatsii teksta i isobrazheniya. Konstruirovaniye i okulografičeskij eksperiment* (Secrets of Interpreting Text and Image. Construction and Oculographic Experiment). Moscow: R. Valent. (In Russian)].
- Кострова О. А. Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты. М.: Флинта, 2021. [Kostrova, Olga A. (2021) *Nemetskiy khudozhestvennyy tekst: kognitivnyye i lingvokul'turnyye aspekty* (German Literary Text: Cognitive and Linguocultural Aspects). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под ред. Б. А. Серебrenникова и др. М.: Наука, 1988. С. 141—172. [Kubryakova, Yelena S. (1988) *Rol' slovoobrasovaniya v formirovanii yazykovoy kartiny mira* (The Role of Word Formation in the Formation of the World Linguistic Picture). In: Serebrennikov, Boris A. & al. (eds) *Yazyk i kartina mira. Rol' chelovečeskogo faktora v yazyke* (The Role of the Human Factor in Language. Language and Picture of the World). Moscow: Nauka, 1988, 141—172. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Активация, активизация (activation, activization, Aktivierung) // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др. М.: Московский гос. ун-т, 1997. С. 11—12. [Kubryakova, Yelena S. (1997) *Aktivatsiya, aktivisatsiya* (activation, activization,

- Aktivierung) // In: Kubryakova, Yelena S. & al. (eds) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* (A Concise Dictionary of Cognitive Terms). Moscow: Moscow State University, 11—12. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний и языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kubryakova, Yelena S. (2004) *Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy i yazykovoy kartiny mira* (Language and Knowledge: On the Way to Acquiring Knowledge and a Linguistic Picture of the World). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Манерко Л. А. Когнитивная теория языка: философские основания и направления исследований. М.: Гнозис, 2024. [Manerko, Larisa A. (2024) *Kognitivnaya teoriya yazyka: filosofskiye osnovaniya i napravleniya issledovaniy* (Cognitive Theory of Language: Philosophical Foundations and Research Directions). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. [Ozhegov, Sergey I. & Švedova, Natalya Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language). Moscow: Azbukovnik. (In Russian)].
- Психологический словарь — Ребер А. Большой психологический словарь. Т. 1 (А–О). М.: Вече-Аст, 2001. [Reber, Arthur. (2001) *Bol'soy psikhologicheskiy slovar'* (Big Psychological Dictionary), vol. 1 (A–O). Moscow: Veče-Ast. (In Russian)].
- ФЭС — Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2002. [*Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Philosophical Encyclopedic Dictionary). (2002). Moscow: INFRA-M. (In Russian)].
- Berndt, Frauke & Tonger-Erk, Lily. (2013) *Intertextualität. Eine Einführung*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- Bierwirth, Sabine. (2000) Karikatur. In: Schnell, Ralf. (ed.) *Metzler Lexikon. Kultur der Gegenwart*. Stuttgart Weimar: J. B. Metzler. 246—247.
- Fix, Ulla. (2008) *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme.
- Grishayeva, Lyudmila I. (2022) Konstruktion vom Simulakrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präcedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel (Construction of Simulacrum, Ludic Texts, Social Criticism and culturally Significant Phenomena as Secondary Nominative Means of Expression). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 120—144.

- Hofstede, Geert. (2006) *Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management*. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag.
- Reischer, Jürgen. (2002) *Die Sprache. Ein Phänomen und seine Erforschung*. Berlin; New York: Walter der Gruyter.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Lange, Bernd-Lutz. (2000) Bonzenschleuder und Rennrappe. In: *Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten*. Stuttgart; Leipzig: Hohenheim Verlag, 24—32.
- Loriot. (2007) Charles Gounod. Faust. In: *Loriots Kleiner Opernführer*. Zürich: Diogenes Verlag, 24.
- Steck, Klaus. (1992) *Plakate*. Göttingen: Steidl.

Lyudmila I. Grishayeva
Voronezh State University

Does the Recipient Really Understand the Perceived Text?

The macro-textual analysis of a hybrid, secondary, quasi-parodic, quasi-dialogical text, which is very rich in intertextual connections of different etiology, shows the significance of the commonality of the sociocognitive experience of culture bearers. The corresponding reasoning is based on a consistent distinction between intratextual, intertextual and intertextual links, which are present in the textual space in different proportions and depend both on the type of text and the nature of the communicative and cognitive task being solved, and on the peculiarities of the personal identity of the producer and the recipient, as well as on the parameters of the communicative situation. The basis for this distinction is also the correlation of information objectified in the textual space by means of cultural codes and activated and / or co-activated, but not objectified by one or another mechanism of verbalization. Attention is drawn to the need for a native speaker of a language and culture to have free possession of the means and ways of realizing a variety of communicative, cognitive and nominative strategies. The need for native speakers of language and culture to be able to operate the corresponding strategies and means of their realization depending on the nature of the communicative and cognitive task, as well as on the peculiarities of the communicative situation actual for interactants is revealed. The subordination of lexical-semantic, word-formation, morphological, syntactic, formal-structural mechanisms is shown. The correlation between the information about extra-linguistic reality objectified by means of cultural codes,

on the one hand, and the information not objectified in the text, but activated and co-activated during encoding and decoding of the complex perceived through and in the text, on the other hand, is emphasized. This serves as a basis both for conceptualizing the degree of understanding of the information perceived by the recipient and for the recipient's interpretation of the text of the message of the producer. An attempt is made to quantify the signs of uncertainty potentially complicating the processes of encoding and decoding of perceived and interpreted information. The connection between the choice of means and ways of realization by the producer of his intentions with the help of means of cultural codes, verbal code and the ability of native speakers of language and culture to remove uncertainty both at generation and at reception of the text is traced.

Keywords: encoding; decoding; mental processes; understanding of a text; ambiguity; densification of the information flow

Для цитирования:

Гришайева Л. И. А понимает ли реципиент воспринимаемый текст? // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 99—123.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-99-123.

To cite this Article:

Grishayeva, Lyudmila I. (2025) A ponimayet li retsipiyent vosprinimayemyy tekst? (Does the Recipient Really Understand the Perceived Text?). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 99—123. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-99-123.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; принята к публикации 28.02.2025

The article was submitted 30.01.2025; accepted for publication 28.02.2025